

НИКОЛАЙ КОЛЯДА

СГЛАЗ

Пьеса в одном действии.

Действующие лица:

ОНА

ОН

Трёхкомнатная квартира, 3 этаж.

Трёхкомнатная квартира на третьем этаже. Странный видок у квартиры: будто это декорация какая-то к спектаклю или фильму “про народ”, который “своей мозолистой рукой пашет, сеет, культивирует” и так далее ...

Везде - на стульях, столах, на полу, на диване, на стенах развешены, разложены, накинута, наброшена, припилены, прибиты, приколочены, пригвождены, пришиты, наживулены белые тряпки с вышивкой, выстрочкой, выбивкой, вязанием: выстроченные попугайчики, полотенца с петухами, заснеженные вышитые домики с деревцами. Салфетки, салфетки, салфетки как облачка белые - на подоконниках, на дверях, стульях, шкафах, полочках, креслах ...

Вечер, предвечернее настроение, закат, солнце садится, завтра будет хороший день, лето, тепло, окна открыты, ветер по комнате, сквозняк, за окном балкон, зеленые деревья.

Время от времени по комнате пролетает, разрезая её, некий ответ с улицы: машины проезжающие ловят садящееся солнце стёклами, и отражение от ветровых стекол бьет по стенам.

На пороге, в коридоре, стоят ОН и ОНА.

Она в длинном зелёном бархатном в пол платье, на голове высокая причёска, на шее кольцо, в волосах диадема, на плечах куриное зелёное боа. Она будто артистка, которая играет в этой декорации, не вписываясь в неё. Ей лет 50-60, ему - 20-30.

У Него на голове большая фуражка. А в остальном Он - человек как человек, ничего особенного. Правда, чернявый немного.

ОН. Гражданка, я не мог открыть гараж и не могу. Гражданка, я не мог открыть гараж и не могу!!!! Гражданка, я не мог открыть гараж и не могу!!!!!!

ОНА. Солнце моё, зовите меня просто - мадам.

ОН. Мадам! Мадам! Мадам, чёрт побери! Я не мог открыть гараж!

ОНА. Ваше информационное поле давит на меня, солнце моё. К тому же, два слова - “гараж” и “мадам” не стыкуются, вместе не стоят, не могут стоять. Вам давно не делали диагноз кармы? Это необходимо. Кармические явления, их несчитываемость, это, солнце моё, знаете ли, о-го-го! Вы с бешеной скоростью утрачиваете асимметрию. Катастрофически, категорически! Да, да, да! А для формирования сознания приток сенсорной энергии и информации крайне необходим, важен. Нарушена блокировка, открыт путь для разрушения ...

МОЛЧАНИЕ.

ОН. А?

ОНА. Бэ, солнце моё.

За окном проехала машина и по окнам хлестануло солнцем.

МОЛЧАНИЕ.

ОН. Мадам, мадам, мадам, мадам, я вам не “солнце”, я говорю: мой гараж ...

ОНА. Ну, как же не “солнце”, я же вижу, что вы - посланец солнечного Азербайджана.

ОН. Да, фамилия у меня Гаспарян, но я русский, мадам, а мой гараж, мадам, мадам, мадамочка ...

ОНА. И ваш гараж - армянин. Вы разве не знаете этого? Вот видите!

ОН. Чего? Чего, говорю?!

ОНА. Конечно. А как иначе? Вещи, принадлежащие обладателю кармы, имеют ту же национальность.

ОН. *(Помолчал.)* Кроме шуток?

ОНА. А вы как думали? А выглядите как русский. Я сразу же догадалась, что вы - не то что-то. Думаю: ой-ей-ей что-то. Как-то что-то не так, думаю. Кто-то что-то стучит в дверь не то будто. И вот видите: да. Вы на пороге. Посланец.

ОН. Посланец чего?

ОНА. Посланец оттуда. *(Тычет пальцем в потолок.)* В смысле - из солнечного Дагестана.

ОН. Армении.

ОНА. Вот, вот. И на голове аэродром. Это тоже многое значит для кармы ... Для ауры, я бы даже сказала.

ОН. Кроме шуток? Слушайте, мадам, за кого вы меня принимаете, мадам, мадам, мадам?!

ОНА. Что вы заладили: “Мадам, мадам?!”

ОН. Вы сказали, чтоб так!

ОНА. Зовите меня просто: Клавдия Ивановна. Или лучше - Клава.

ОН. Послушайте, Клара, я не могу открыть гараж, он залеплен со всех сторон! Это что такое, какое вы имели право, почему, зачем, отчего?!

ОНА. Я хочу продиагностировать вас, вам необходимо это сделать, на вас сглаз, сглаз, сглаз, сглаз, порча, наведена могильной землёй, необходимо тестирование энергетических параметров, забита шлаками карма, зашлакована карма, карма, карма, Харе Кришна карма, система полевой саморегуляции у вас не в порядке ...

МОЛЧАНИЕ.

ОН. Клара! Мадам, мадам! Мой гараж! Ваши афиши!

ОНА. А акцента у вас практически нет. Я вас не знаю, вы в нашем доме недавно? Вы недавно переехали, купили квартиру? Ах, узнаю! Ах, да! Мы же соседи, мы живём стенка в стенку, знаете, да? Это и моя, и ваша стена. Называется: “Несущая”. Чего она несёт интересно, а?

ОН. А?

ОНА. Я говорю: шлакоблочный дом, спаренный телефон, третий этаж, квартира распашонкой? Очень удачное приобретение. И с гаражом, да? На сделку пошли только из-за него? Хорошо, солнце моё. Ура. Нашего полку прибыло.

ОН. Гараж, афиши, мадам, мадам, мадам, мадам!

ОНА. О, карма, ваша карма, карма, карма! Вы давите на меня, вы меня программируете! Харе Кришна, Кришна Харе! Или нет, лучше сказать: тох-тибитох! *(Пауза.)* Что вы, солнце моё, твердите про эти афиши? Я здесь при чём? Обратитесь в моё рекламное агентство, бюро, офис, так сказать, они вам объяснят ...

ОН. Какое бюро, какое агентство, какой офис?! Мадам, Клара, солнце! Я сам видел вчера вечером, - я думал, что воры! - как вы в трико, тапочках, с ведром клейстера, с рулоном ваших бумажек, вы клеили мой гараж, полночи, потом забор рядом, потом двери подъезда, у меня гараж под окнами, мадемуазель, Клара, какая карма, какая харя Кришны, какая, Клара, гражданка, отвечайте немедленно, ну?!

ОНА. Клава. Мадам. Что вам надо ответить - не понимаю?

ОН. Вот это ведро, вот эти афиши!

ОНА. Вы очень мягко говорите “ш” в слове “афиши”, нужно тверже, попробуйте, афиш-ш-и, афиш-шшш-и, попробуйте, солнце моё, я должна вас протестировать и вылечить, но обязательно вы должны хотеть этого и тогда будет результат ...

ОН. Афиши, афиши, афиши, афиши, афиши!!!!

Схватил рулон афиш, стоявший в коридоре, развернул одну, стучит костяшками пальцев по бумаге.

Мадам, мадам, барышня, девушка, гражданка, товарищ, друг, братишка, командир!

На бумаге коряво, с ошибками написано:

“Даю сеансы психотерапии, лечу от сглаза, порчи, излечиваю грыжу, рак, астеохондроз, родекулит, пичоночные колики и все другие болезни. Потомственный народный целитель из Сибирского Алтая”.

ОНА. Да, действительно. Моя афиша, мой анонс. Только “целитель” надо было через “е”. Со слепу фломастером не то написала. Я хоть и русская, но не всегда в ладах с ним. Как произносить всё - знаю, а вот писать - мука была всегда. А как вы меня нашли, солнце моё? Ведь тут только телефон? Мне же нужно сначала позвонить, а уж я скажу адрес?

ОН. Кроме шуток? Девушка, повторяю вам, вы всю ночь клеили мой гараж, я не могу отклеить это, вы клеили на “резинку”?

ОНА. На какую на резинку?

ОН. На резиновый клей, чёрт возьми!?! Я не могу сегодня попасть в гараж! Мне надо к моей машине! Я не могу пешком!

ОНА. Горяч! Буква “ш”, она западает у вас, я могу выправить: скажите ещё раз - шшшшш, пешшшшшшшшком, солнце моё, ну?

ОН. Я говорю: резиновый клей, клей, клей, клей, клей!!!

ОНА. Ну что вы, обыкновенный клейстер, клейстер, клейстер, клейстер!!!!

ОН. Клейстер?

ОНА. Да, хороший клейстер, многовато муки сыпанула - правы.

МОЛЧАНИЕ.

ОН. Я говорю вам, Клара: отвечать придётся. Кончайте маяться целительством. Вы все подъезды в доме обляпали этим, а главное - мой гараж!

ОНА. Горячий, горячий. Дорогой посланец солнечного Таджикистана, господин Багдасарян, я не виновата, что ваш гараж на пригорочке.

ОН. Я Гаспарян, из Армении, но русский!

ОНА. Да, на пригорочке. И что он из всех точек виден и очень удобен для рекламы моей творческой деятельности. Не виновата! У него к тому же самое выгодное расположение по геофизической направленности, амплитуде движения от ядра земли, в нём к тому же соединены жизненно важные константы, а для формирования сознания, как вы знаете, приток сенсорной информации предельно важен, а вы - вы! - утрачиваете асимметрию, понимаете? У вас нарушена блокировка, открыт путь для разрушения ...

ОН. Кроме шуток?

ОНА. Ваш гаражик, солнце моё, видно из всех углов. Он как бельмо для всего дома, на детской площадке стоит. Его все видят, кто на рынок и с рынка идёт. К тому же парадигма кармы вашего гаража ...

ОН. Чего?

МОЛЧАНИЕ.

ОНА. Ни разу в аварии? Естественно. Потому что гараж в очень хорошем магнитном поле земли находится.

OH. A?

ОНА. Бэ.

Пауза. Снова за окном проехала машина и снова по окнам хлестануло солнцем.

Ай! Сил нет каждый раз это терпеть. Видели?

ОН. Что видели? Вы меня за кого принимаете? Это машина была, машина!

ОНА. Ну да, машина. Уж я-то знаю. *(Пауза.)* Солнце моё, я вчера буквально упала оттуда. Из космоса. Да, ночью мне было видение, как я пришла сюда: с неба. И голос сказал: вылечи их всех, вылечи! И я сразу же кинулась писать объявления и вот такое разное расклеить. То есть, расклеивать. Вчера упала.

ОН. Кроме шуток?

ОНА. “Кроме шуток”, “кроме шуток”, заладил. Я говорю, что объявления висят на каждом углу, сейчас попрут один за другим в мои двери, косяки начнут выворачивать, у меня сегодня первый приемный день, а вы пришли, карму мне тут в моей квартире разрушили, я с утра сто свечей сожгла, чтобы тут воздух очистить, понятно вам теперь, нет?!

ОН. Какой воздух?!

ОНА. Такой воздух, что вокруг. Думаете, так просто от всех болезней сразу лечить? О-го-го! Карма-то вам не шутка, не хухры-мухры, солнце моё. Надо тонну свечек сжечь, чтобы тут все очистить от такого вот влияния таких вот как вы.

ОН. А?

ОНА. Бэ.

МОЛЧАНИЕ.

ОН. Гражданка Клара, я говорю: я не дурнее паровоза, слышите - клейстер, афиши, гараж!!!

ОНА. А я говорю, что дурнее паровоза: амплитуда, магнитное ядро, парадигма кармы!!!

ОН. И что?

ОНА. Что - что? Я вам понятнее понятного сказала. Идите, меня ждут клиенты.

ОН. *(помолчал.)* Будем и дальше афиши клеить, заборы, двери подъездов, гаражи гадить или нет?

ОНА. А вы что - наш новый участковый? Санэпидемстанция?

ОН. *(подумал.)* Нет.

ОНА. А на нет и суда нет. Я не виновата, что у вас раздражено поле, оно практически не считается. И почему вы всегда стоите полубоком ко мне? Вы смотрите мне в глаза, я ничего не могу считать с вашей кармы. В глаза, говорю, в глаза мне, ну? Почему вы боком стоите? Боком почему? Там что, камера запрятана, что вы как артист в бок смотрите, не на меня, а ну в глаза мне, в глаза, ну?!

Машет перед его лицом рукой. Он заморожено следит за её руками.

ОН. *(топнул ногой.)* Я говорю - клейстер!

ОНА. *(топнула ногой.)* А я говорю: парадигма кармы!

Он схватил ведро, что в коридоре стояло, зацепился за дужку, опрокинул содержимое ведра себе на грудь, на ноги. Пораженно смотрит, как желтая жижа поползла по пиджаку, на ботинки и брюки. Начал руками собирать клейстер в ведро. Встал. Клейстер с рук бежит на пол. Он крутит головой, ничего понять не может.

Она смотрит на его склеившиеся руки. Качает удивленно головой.

ОН. Харя Кришны. Парадигма кармы.

ОНА. Клейстер, гараж, афиши.

МОЛЧАНИЕ.

Надо же, какой хороший клейстер. И всего-то я его варила полчаса. А эффект, эффект ... Неожиданный просто. Склеились?

ОН. Мадам, кончайте дурятник ваш, вы зачем это сделали?!

ОНА. Кто вам что сделал? Ваше поле!

ОН. Дайте тряпку, я весь обляпался, мне бежать надо, скорее, ну?!

Она не двигается.

Вы что - оглохли?

ОНА. Ай-яй-яй. Какой хороший был клейстер. Теперь придётся варить заново. Мне ещё полгорода обклеить надо. Реклама - двигатель прогресса. Но даже хорошо. Теперь я знаю, что была на правильном пути.

ОН. В чём?

ОНА. В варении клейстера.

МОЛЧАНИЕ.

ОН. Дайте тряпку! Или я вытру этим пальтом, что на вешалке, мои руки!

ОНА. Не “пальтом”, а “пальто”, солнце моё. Вы нерусский, а говорите, что русский. Я же говорю - что на вас сглаз, сглаз, сглаз.

ОН. Какой сглаз?

ОНА. Глаз-глаз-ватерпас!

ОН. Вытру вот!

Снова за окном проехала машина и снова по окнам хлестануло солнцем.

ОНА. Вы раздражены. У меня нет тряпок. Ужасно! Ваша информация практически не считывается!

ОН. Дайте!

ОНА. Нету тряпок!

ОН. Вот лежит!

Протянул руку к салфетке, что на полу лежит. Она неожиданно ловко для своей комплекции и лет кинулась к салфетке, выдернула у него из рук, откинула в комнату, и салфетка как облачко легла на пол. Она нервно, быстро кричит:

ОНА. Не смей! Не трогать! Нельзя! Запрещено!

МОЛЧАНИЕ.

ОН. Что? Что? Что вы закричали, мадам, эта желтая тряпочка, на мне клейстер, мне надо клейстер, дайте мне эту грязную тряпочку ... Что вам в ней?

ОНА. Ничего. Не трогать их. *(Пауза.)* Вы прикасаетесь, и таким образом нарушаете обмен информации, которая, которую, которые, которой - ясно?! Которая в эту тряпочку, как вы говорите, заложена: не трогать! Я вообще не знаю, кто вы и что вы, кроме того, что вы вчера заехали в наш дом, и что у нас стенка общая! Я не знаю сколько в вашей половинке одной зла, а в другой добра. Ясно?! Карма, карма, посмотрите! Харе Кришна, харе Кришна!

ОН. Какая харя, какой Кришны?

ОНА. Посмейтесь над “Харе Кришной”, потом плакать будете! Харе Кришна!

ОН. Дайте мне тряпочку, не эту, так другую, мадам! Вы не видите, что я весь в этом, мне надо мыться! Эта тряпочка ...

ОНА. Что - тряпочка?

ОН. Эта тряпочка вышита гладью ...

ОНА. Да, тряпочка, да, гладью, а вы, Бандурян, откуда знаете, что такое “гладь” и “негладь”?

ОН. Что?

ОНА. Ничего. Снимайте штаны, выхода нет.

ОН. Кроме шуток?

ОНА. Я замою их в ванной, успокойтесь. Снимайте. И не тряситесь вы так, посланец солнечной Грузии, я не в том возрасте, чтобы. Чтобы, ясно?! Я видела мужчин без штанов, не стесняйтесь, снимайте, ну?

ОН. Мне в гараж, мне квартиру делать, работать, мне полочки, плитку для ванной, гвозди!!!

ОНА. И мне надо. Я вообще на работе. Сейчас пойдут валом, а я тут колгочусь с вами! *(Пауза.)* Кто-то в дверь стучит?

ОН. Никто не стучит.

ОНА. Стучат постоянно. Каждый день в подъезде на похороны деньги собирают.

ОН. На похороны?

ОНА. Соседям на венок!

ОН. А?

ОНА. Бэ. Снять штаны!

Он снимает штаны, отдает ей.

Идите в ванную, вымойте руки, а потом вот сюда на диван, а я застираю ваши брюки и пиджак, не снимайте вашу фуражку, сидите в ней, давайте, давайте, сели, ну, сели, ну, как вас зовут, Тертерьян?

ОН. Гаспарян, Андрей Гаспарян, мамочки, как же я домой пойду, как?! В гараже плитка для ванной, я хотел плитку взять, мне надо ванную переделывать, мне надо гвозди в гараже, полочки прибивать, а я - как, как, как?!

ОНА. Очень хорошо. Андрей! Андрей-воробей, на коне катался, на столб налетел, без штанов остался. На диван! А я застираю брюки, высушу их утюгом с марлей и вы побежите куда вам надо: за плиткой, за гвоздями, за ребенком в детсад, не будете мне отбивать клиентов, но, если вдруг сейчас в двери звонок, сразу же идите туда, в ту комнату и прячьтесь в шкаф. А то что скажут мои больные, когда придут к своей целительнице, а у нее мужчина без штанов? Представляете?!

ОН. Кроме шуток? Не представляю.

ОНА. А я представляю. Кроме шуток. В ванную, а потом в комнату!

Он ушел в ванную, моет руки, она держит в коридоре на вытянутых руках его брюки. Он возвращается из ванной. В дверях они сталкиваются, долго не могут разойтись. Потом Она протискивается в ванную, а Он в коридор. Он вертит головой, прикрывает причинное место ладошками, чуть не плачет.

В комнату!

Он быстро пробежал, сел на диван, ошалело оглядывается. Прикрылся вышитой салфеткой, но тут же откинул её. Она вышла из ванной, руки у неё мокрые.

Я сейчас отстираю, сидите, поосторожнее, сказала, солнце моё, ни к чему не прикасайтесь. Это вещи серьезные.

ОН. Я знаю.

ОНА. Что вы знаете?

ОН. Что в них тут кругом везде заложена парадигма кармы.

ОНА. *(Улыбается.)* Правильно. Моя школа. Именно парадигма и именно кармы. Харя Кришны, харя. *(Молчит, смотрит на него.)* Я сейчас, быстро застираю вам брюки.

ОН. Вы умеете, да?

ОНА. Что?

ОН. Брюки стирать?

ОНА. А то нет? Неужели я на такую похожа, ну, которая брюки стирать не умеет?

ОН. Вообще-то, не сильно. То есть, более-менее.

ОНА. Что - несильно?! Сильно! Более-менее. Постольку-поскольку. Трёшь-мнёшь. Шире-дале. Я включу вам музыку, чтоб вам не было скучно и чтоб вы запомнили, что я не “мадемуазель”, а “мадам”, и что я не кто-то там, а - Клава, даже Клавдия Ивановна!

Прошла к радиоле, руки о платье вытерла, поставила пластинку. Радиола зашипела.

Вы сказали - вас зовут ...

ОН. Андрей.

ОНА. Чудно! Андрей! Считайте, что это я вам пою! Клава споёт вам. Пой, Клава!

Включила “Андрюшу” Шульженко и, приплясывая, пошла в ванную. Подпевает оттуда, брызги летят в комнату.

Он пораженно наблюдает за происходящим, не двигается.

Она выскочила из ванной, пробежала мимо него с брюками, танцует, как тореадор, схватила какую-то тряпку, расстелила на полу, подхватила утюг, бежит с ним, поет, изображает то гармонь, то паровоз, то ещё что.

ШУЛЬЖЕНКО:

... Ах, Андрюша, нам ли жить в печали,

не прячь гармонь, играй на все лады!

Спой мне так, чтобы горы заплясали,

чтоб зашумели зеленые сады!

Пой, Андрюша, так, чтобы среди ночи

промчался ветер, кудри шевеля!

Пой, играй, чтобы ласковые очи

Не спросясь глядели на тебя!

Она убежала в другую комнату, мгновенно переоделась, теперь на ней лиловое платье, другое боа, другая шляпа. Скачет с утюгом по комнате.

Он скорчился на диване, вертит головой, фуражку к себе прижимает, ничего не может сообразить.

Она гладит брюки, аж пыль столбом стоит.

Музыка закончилась.

Обожаю. Невозможно, немыслимо, невероятно. Три раза она поёт: “Не прячь гармонь!”, и каждый раз по-разному. Заметили?

ОН. Кроме шуток? Кажется.

ОНА. *(Стоит на карячках на полу, гладит, набирает воды в рот, прыскает её на брюки.)* Ну, дак как меня зовут, запомнили?

ОН. Мадемуазель? Клара? Нет?!

ОНА. Ну, я же вам её специально включила, чтоб вы навеки запомнили, что “мадам” и что “Клавдия Ивановна”. *(Гладит брюки.)* Соседку мою звали точно так же. В честь моей крёстной, соседки, меня и называли когда-то давным-давно. Только её звали не по отчеству, а просто - "Клавдея". Почему-то "Клавдея" звали её все.

Гладит брюки, молчит, улыбается.

У нас была коммунальная квартира, то есть, в детстве я жила в коммунальной квартире, огромная такая, старая купеческая квартира, вернее, дом, и в нём понаделали комнатух и

комнатенок. И была там кухня, широченная, как футбольное поле, и на поле на этом стояло несколько плит. И вот Клавдея, соседка, моя крёстная, попала на концерт Шульженко, ей повезло, счастливце! Утром на кухне она жарила картошку и рассказывала моей маме, что она на концерте видела. У Клавдеи была, помню, огромная семья, помню, детям жрать нечего, а она - на концерты. Такая семья была неряшливая - вы не представляете себе: помоют ноги в тазике, а потом в этом же тазике борщ приготовят, из тазика и поедят. Ну, не важно, все выросли, все стали академиками, доцентами, профессорами, все до единого, хоть и ели из тазика. Так вот, соседка стояла на кухне и пела маме те песни, которые она слышала на концерте: “Руки, вы две большие птицы ...” И вот она жарила картошку и поднимала к облупленному потолку руки и пела: “Вы две большие птицы!”, а я маленькая девочка с косичками сидела на стуле рядом с плитой, смотрела на маму, которая повторяла движения тёти Клавдеи - к облупленному потолку и к грязному полу, к грязному полу и к облупленному потолку: “Руки, вы две большие птицы!”, и не могла понять почему они, поднимая руки и опуская, рыдают при этом, обе - и мама, и Клавдея. Всё пели, и пели, и рыдали: “Руки, вы две большие птицы!”, да. *(Смеётся.)* Вот так вот, смотрите: “Руки, вы две большие птицы! ..” *(Молчит, вытерла слёзы, улыбается.)* Я смотрела, смотрела на них, а потом вдруг закричала: “Мама, картошка сгорела!” Она, действительно, сгорела. *(Пауза.)* О, Боже. Брюки сгорели. Пожар!

Бегают по комнате, машет дымящимися штанами в разные стороны.

Он вжался в диван.

ОН. Что?!

ОНА. Ничего. Маленькое желтое пятнышко. Я не умею гладить брюки. Тихо, спокойно, командир, отдыхайте, боцман.

На брюках огромная дыра, она смотрит в неё.

Ах, Андрюша, нам ли жить в печали. Спой нам так, чтобы горы заплясали. Ничего, совсем маленькая дырочка. Её можно заштопать. Не прячь гармонь, играй на все лады.

Он встал, машет руками, пытается что-то сказать.

ОН. Слушайте, вы что наделали?!

ОНА. Пой, Андрюша, так, чтоб среди ночи промчался ветер, кудри шевеля.

ОН. Что наделали?!

ОНА. Пой, играй, чтобы ласковые очи, не спросясь, глядели на тебя.

ОН. Вы - сумасшедшая?!!!!

ОНА. Может быть.

ОН. То есть?

ОНА. Я - экстрасенс. А экстрасенсы, они, люди, так сказать, немного не от мира сего, не такие же, как все, у них карма, так сказать ...

ОН. Дурятник какой! Я слышал сто раз про карму!

Снова за окном проехала машина, по окнам хлестануло солнцем.

ОНА. Снимите кепочку, вам неудобно разговаривать.

ОН. Хватит! Дайте мне мои штаны!

ОНА. Какие штаны?

ОН. Вот эти вот! Мои штаны! Дайте их! Мне дайте их!

ОНА. Не кричите. Я сумасшедшая, но не глухая. Вот это вы считаете штаны? Пожалуйста, если вы считаете, что это штаны - берите их. Натё.

Бросила штаны ему в руки. Он вертит их в руках.

Надо же, с клейстером они стали твёрдыми такими. Когда их прогладишь, они прям стоят, колоколами такими. Но дырка. А так даже хорошо, будто накрахмаленные. Даже и не знала, что клейстер имеет такой замечательный эффект.

МОЛЧАНИЕ.

ОН. В чём я теперь пойду домой? Что я скажу жене?

ОНА. Командир, вы начинаете рассказывать о себе, будто на приеме. Правильно, садитесь. Я вас слушаю. Итак! Я о вас уже много знаю: у вас гараж, вы недавно к нам переехали, у вас жена, - вы копите на болгарскую стенку с женой, так, нет? Нет? А все копят! И вы мой сосед за стенкой, тук-тук, будем перестукиваться с вами иногда, у вас третий подъезд, третий этаж, трехкомнатная квартира, цифра три - магическое значение. В гараже три угла, нет?

ОН. Четыре! Четыре! Мадам, это вам надо в дом без углов!

ОНА. А?

ОН. Бэ. В чём я пойду?!

ОНА. Сидите у меня. Куда вы собрались, на ночь глядя, какая плитка для ванной, какие гвозди, какой гараж? Ждите. Скоро стемнеет. И тогда скачками от моего третьего этажа четвертого подъезда к вашему третьему подъезду третьему этажу. Я знаю тут всех, я тут сто лет живу. Только не через балкон! Я сегодня не могу на балкон выйти и вообще. Меня от балкона сегодня тошнит. Понимаете? Ну, после вчерашнего.

ОН. Я слышал сто раз, что вы тут сто лет живете, что вы с неба вчера упали, что вы вообще с Алтая целитель, да мне по барабану, слышите?!

ОНА. Кто-то в дверь стучит?

ОН. Кто стучит, кто?!

ОНА. Может, мои клиенты? Или на венок собирают?

ОН. На какой венок, не дурите мне голову?!

ОНА. Я все его вещи раздала, а оставшимся барахлом мыла пол, много порвала и сделала половиков, вот они, на полу лежат, да, половиков, чтоб о нем ничего не напоминало.

ОН. Чего, чего, чего?!

ОНА. Это я про мужа. Вас это не касается. Простите, но у меня нет запасных мужских штанов. Когда муж умер, я говорю, что стала его барахлом мыть пол. Я его не любила и вещами не дорожила. Зачем я с ним прожила столько лет - не знаю. Он мне был безразличен. Помер и помер, на похороны пришло три калеки, соседи по дому, а вообще - отряд не заметил потери бойца.

МОЛЧАНИЕ.

ОН. Дурятник, а? Причём тут ваш муж, мадам?!

ОНА. Действительно, не при чём. Зачем я вам про мужа рассказываю? Ведь не я у вас на приёме, а вы у меня. Садитесь, рассказывайте дальше.

МОЛЧАНИЕ.

ОН. *(Кричит.)* Какой приём, мадам?! Что рассказывать? Мадам, зачем я пришёл к вам?! Зачем?! Зачем?! Сегодня на закате зачем я к вам?!

ОНА. На закате ходит парень возле дома моего.

ОН. А?

ОНА. Бэ. Поморгает мне глазами и не скажет ничего.

МОЛЧАНИЕ.

ОН. Я зашел на закате по делу, а теперь должен тут ночевать?!

ОНА. Не ночевать, солнце, а до темноты. Хотите, дам вам какую-нибудь салфетку из этих? Обернетесь и до дома.

ОН. Вы же сказали, что мне нельзя к ним прикасаться!

ОНА. Теперь уже можно. Вы побыли немного в карме моей квартиры, я тут свечки жгла, к тому же ваши брюки тут крепко надymiли, это тоже важно, и теперь вы можете уже за всё братья, тем более Клара для вас пела.

ОН. Не Клара, а Клава!

ОНА. Ну, Клава. Я чтоб вам было понятнее, командир.

ОН. Какой я вам командир?!

ОНА. Ну, не командир, так боцман. Отдыхайте, боцман.

ОН. Слушайте, я вам не боцман, я не командир!!! Вы мне - за всё за это заплатите! И за штаны, и за гараж, и за моральные унижения, за всё, всё, всё!!!!

ОНА. Обязательно. Заплачу. Но я не виновата, что вы пришли ко мне на закате. На закате в моей квартире происходят странные вещи. Эта квартира, да, она виновата: спаренный телефон, шлакоблочный дом, пенеппен кругом воздух отравляет, комнаты распашонкой, тут, кто не придет, все попадают в какие-то странные ситуации, и вот именно поэтому, чтобы очистить квартиру от гадости, я занялась сенсорикой и вот так вот выбилась постепенно в народные целительницы. Тут что-то заколдовано. Сядьте! Сидеть! Вы не верите? Сейчас проверите! Сядьте, и минутку помолчите, и вы сейчас сами увидите.

Он сел, ошалело оглядывается, прижимает к груди фуражку.

Шорох, шелест и вдруг по стенам хлестануло светом.

ОН. Ну и что?

ОНА. Как что? Вы что - не видели?

ОН. Прекратите. Машина проехала. Машины проезжающие ловят садящееся солнце стёклами, и отражение от ветровых стекол бьет по стенам. Обыкновенная вещь. Не пугайте меня!

ОНА. Какая машина? Какая обыкновенная вещь? *(Вдруг истерически закричала.)* Вы всё не принимаете на веру, материалисты чертовы, вам все бы не верить, а вот помирать все станем!!!! Слышите?!

МОЛЧАНИЕ.

Сидят рядышком на диване.

ОН. Чего?

ОНА. Того. Видите, в окно, там, там?!

ОН. Что там?

ОНА. Солнце давно село, какие машины, солнца нет уже, откуда это может быть? Ну?! А цветок у меня вдруг завял. А на чашке трещинка вдруг появилась, а я её не ударила. Ну?! Неспроста. Я думаю, что на мне сглаз! Ну, то, что на вас сглаз - сомнения нету. Ваша несчитываемость вашего поля действует на меня.

Он отодвинулся от Неё.

ОН. Ай! Тут на вышивке иголочка, я на неё напоролся!

ОНА. Напоролся на ржавый гвоздь наш “Кромешуток”, командир, боцман! Я же сказала: не делать резких движений. Эта иголочка от моей мамы. Видите, она так и не довышивала

этого попугайчика, в уголке осталось пустое место. Жалко. Воткнула иголочку и умерла. Мама. Мама.

МОЛЧАНИЕ.

ОН. Я её достану.

ОНА. Не смей! Пусть будет так.

МОЛЧАНИЕ.

ОН. *(Плачет.)* Ну, что мне делать, что, что, что-то сломалось, заколдовано тут, что, что, что, что делать?!

ОНА. Ничего, солнце моё. Расслабьтесь. Поговорим. Я расскажу вам о себе.

ОН. Я слышал про вас сто раз!

ОНА. Послушайте ещё. Да, я действительно потомственный целитель с Алтая. Тут случайно. Я с неба. Да, да, упала вчера только. Кажется. Но я не уверена. Но видите, я хожу по салфеткам, а это что-то значит. Знаете что? Привыкла ходить там по небу. Да, и теперь, если нету под ногой облака или чего-то такого беленького, то я, знаете ли, сразу же спотыкаюсь, запинаясь, запинываясь. Нет, они не похожи на облака. Они похожи на снежинок. Моя мама, бабушка, тётя, зачем вы это всё шили-вышивали? *(Смотрит на салфетки, улыбается.)* Снежинки ... В детском садике мы пели: “Мы белые снежиночки, летим, летим, летим! Летим мы как пушиночки и сядем где хотим!” Вы не помните? Вы были мухомором в детсаду?

ОН. Я был зайцем! Я всегда на Новый год был зайцем! Я люблю с тех пор зайцев!

ОНА. Вы были чудный заяц, представляю. А я - снежинка: “Вот эта тучка серая, она была наш до-ом!” Неужели не помните?

МОЛЧАНИЕ.

ОН. А?

ОНА. *(Помолчала.)* Бэ. Я упала, продиагностировала за ночь этот дом и - всё.

ОН. Что - всё?

ОНА. Вы вчера въехали? А я в этом доме знаю всё наизусть, живу тут тысячу лет. Всерьёз - тысячу. Не двадцать, тридцать, а тысячу. Слышали, ночью был шум вокруг дома?

ОН. Шум? Вроде бы, да. Пожарная приезжала, “скорая” у дома стояла, да. Мне всё равно. У всех своя жизнь, у меня моя жизнь, мне плевать.

ОНА. Мне, в принципе, тоже наплевать. Прыгнул тут один вчера с крыши. Повесился. И прям перед моим балконом повис.

ОН. Как повис? Кто повис?

ОНА. Всё по порядку. Расскажу парочку историй. Квартира семнадцать - мужчина удавился, когда ему тридцать три было, возраст Христа, неизвестно почему удавился, может - из-за возраста; другой из сорок седьмой возле подъезда облил себя бензином и сгорел - отчего, почему никто не знает; одна из тридцать второй - возле тех кустов у вашего гаража зимой уснула и замерзла, не дошла до дома четыре шага, двоих детей оставила, говорят - была пьяная, но мне кажется, что трезвая, легла и заснула, потому что порча, сглаз; парень из восемнадцатой в двадцать два года умер - не болел, не страдал, уснул и не проснулся - тоже сглаз, помер, а все живут дальше - и снова “отряд не заметил потери бойца”; ребенка из сто четвертой машина под окнами задавила, и снова - для всех мимо; ну, а вчера - вчера список пополнился, похлеще случилось: мой сосед сверху, квартира пятьдесят четыре - чтобы жене насолить, что ли, хотя они жили душа в душу, на болгарскую стенку копили много лет, хрустала было полно, так вот, залез на крышу,

заклеил рот марлей, связал себе руки и прыгнул в петле с балкона с таким расчетом, чтобы его ноги болтались над окнами её балкона, на четвёртом этаже, то есть, перед своей квартирой, своими окнами, но не рассчитал и повис над моими, на третьем ... Вы не видели разве?

ОН. Ночью? Не видел. Понял.

ОНА. Что понял?

ОН. Ну, теперь с вами всё понятно.

ОНА. Ну да, вы правы, я чуть не родила ночью, когда ноги его начали болтаться над моим балконом. А потом была пожарка, его снимали, потом милиция, дознания, на всю ночь. И, кажется, сегодня ночью или раньше я немного поехала с катушек. Ночью меня кто-то забрал на небо, а потом вернул, кинул назад. Кажется. Не знаю точно. То ли явь, то ли сон всё. И вот вы даже. Сидите или не сидите тут - не могу понять. Облака вокруг или мамины вышивки - не соображаю. “Мы белые снежиночки, летим мы как хотим ...” В детство впала, видать. Умерла я или жива - не пойму. Будто висит он и висит надо мной, над балконом.

МОЛЧАНИЕ.

А, вы думаете, это я кина американского насмотрелась и придумываю всё? Нет, солнце моё. Наш дом. Угол Маркса и Энгельса, 13. Это всё в нашей одной “хрущёвке”. Такие истории происходят, что не поверишь иной раз, и думаешь, что это из газеты всё вычитано. И знаете, что я решила? Я решила, что всех надо начать лечить. Начну хотя бы с нашей “хрущёвки”, потому что у нас всего четыре подъезда, 15 квартир в каждом подъезде, всего шестьдесят семей, восемь квартир пустует, перепродается - кому они нужны, наши хрущобы? - до недавнего времени было девять, вы купили квартиру себе, и вот восемь пустует, итого всего пятьдесят две семьи, а бед - бед, бед, бед, бед на пять миллионов. А хрущёвок вокруг стоит сто миллионов. Так вот, начну с нашей, а потом - представляете, сколько мне тут одной работы? *(Поёт.)* “Мы белые снежиночки, летим-летим-летим! Летим мы как пушиночки и сядем как хотим! Вот эта тучка серая, она была наш дом! Белая-несмелая, пора нам всем в дурдом!”

МОЛЧАНИЕ.

Начну с вас. Я могу снять с вас порчу. Сглаз. Наговор. Чтоб с вами ничего подобного из того, что я рассказывала, не случилось.

ОН. *(Испуганно.)* Какую порчу, какой сглаз, какой наговор, я ничего не боюсь, ничего не случится, не пугайте, не надо!!!!

ОНА. Ну что же вы думаете, просто так, ни с того ни с сего с утра пораньше, то есть, ближе к вечеру - гараж не открывается, клейстером облились, брюки сожгли вот?! Это же надо умудриться, клейстером облиться, брюки спалить!

ОНА. Кроме шуток? Вы мне их спалили!

ОНА. А я говорю, что это всё порча.

ОН. Пустите меня, отстаньте!

ОНА. Спокойнее, спокойнее, Андрюша, Андрюша!!!

ОН. Что, что, что - Андрюша?!

ОНА. Я говорю: ах, Андрюша, нам ли жить в печали, не прячь гармонь, играй на все лады!

ОН. Что?! Что?!

ОН. Я говорю: спой мне так, чтобы горы заплясали, чтоб зашумели зеленые сады!

ОН. Я не понимаю вас, вы ненормальная!

ОНА. Я же говорю нормальным языком вам: пой, Андрюша, так, чтобы среди ночи промчался ветер, кудри шевеля, пой, играй, чтобы ласковые очи не спросясь глядели на тебя!

ОН. Всё, всё, всё, всё, я ухожу, ухожу, ухожу, кроме шуток!!!!

Сидит, не двигается.

МОЛЧАНИЕ.

ОНА. Ну, что же вы не идёте? Я отвечу за вас, я знаю. Вы не можете. Порча вам ноги сковала. Левая половина добра - смотрите за моим пальцем - привела вас ко мне, а правая сторона злобы - хочет вас отсюда убрать, заставляет вас уходить. Я сниму вам порчу бесплатно. Я ведь профессионал, упала с неба.

ОН. Я понял уже, что упала, понял, понял, понял, кроме шуток понял!!!!

ОНА. Да, да. Профессионал! Не верите? Это потому, что вы не знаете главного в моей квартире! Всё стало говорить здесь, как живое, понимаете?!

ОН. Когда стало всё тут говорить? После того, как упали? Или после того, как он повис?

ОНА. Почему вы задаете мне вопросы? Кто у кого на приёме?

ОН. Спокойно, я у вас, конечно! Ну, так кто тут в вашей квартире говорит? Когда говорить? Кто с кем говорит?

ОНА. Вот цветок этот - говорит. Диван - говорит. Каждая тряпочка стала говорить. Это делали моя бабушка, мама, тетя - все. Вся семья. Сколько помню: они всё вязали, вязали, вязали, шили, вышивали. У бабушки пальцы были в таких вот шишках от этого. Семья у бабушки была одиннадцать человек. У нее груди в бане, когда мылись, я видела, были как уши у спаниеля - она их вот так вот мыла. *(Показала на тряпочке - как.)* Куда они всё это шили, строчили, вышивали, вязали вот - не знаю. А сейчас место этому на помойке у вашего гаража, так ведь, нет? Правда, энергия от тряпочек идёт, чувствуете, да? Только кому она нужна, эта энергия, если её никто не востребовывает. Востребовыва-ва-ва-ва-ет. Понимаете?

ОН. Голову вы мне задурили! Зачем мне все эти истории, я иду! Мне плитку, мне гвозди!

ОНА. Идите. Не идётся?

ОН. Не идётся, не идётся! *(Плачет.)*

ОНА. Разве это я воздействую на вас? Энергия этих тряпочек кинулась на вас и у вас немного в голове сдвиг, сглаз случился ... Потому что у вас было голодание на энергию и вдруг - столько. Вы ведь слышите, что вы стали маленький во всём этом, маленький муравьишка, а оно всё говорит, говорит, говорит, слышите?

ОН. Ну и что оно говорит, это вот, что, что, что??

ОНА. Сейчас при вас ничего не скажет, заботится, а вообще может. И солнце говорит, солнце моё, и земля, и всё-всё вокруг вдруг заговорило ... Да, да, и солнце, и луна. Сегодня днём ходила с афишами и вдруг моя сумка, в которой кнопки и старые бумажки, и деньги с кошельком, вдруг заговорила, принялась рот разевать. Говорит мне: "Помирай ты, старая дура, скорее." Я ей: "Я помру, кто будет тут ходить вокруг дома?" А сумка вдруг мне: "А зачем?" Я говорю: "Если я помру, кто будет кошке моей еду готовить?". А сумка отвечает: "Найдём". Уверенно так отвечает, я в сумке этой столько рыбы для этой кошки перетаскала. Я говорю ей: "Я должна жить. На работу вот ходить." Сумка мне: "Это ты для себя, это не важно." Говорю: "А на улицу ходить с соседями на лавочке разговаривать?" А

она: “Не смейся, кто-то будет и без тебя там разговаривать.” Я: “А за картошкой в магазин?” Она: “Это ты для себя.” Я: “А порядок, пыль в квартире убирать?” Она: “Это ты для себя”. И куда ни ткнись - выясняется, что я для себя живу. Что всё, всё, всё, всё, всё - для себя, всё неважно. А туда? Для себя. А туда? Тоже для себя. А это? Тоже для себя. И вдруг выясняется, выходит так, что от моей смерти никому не будет ни хорошо, ни плохо. А будет просто - пустое место. Только кошке найдут другую хозяйку и всё, всё, всё. Потому что всё, что я делаю - не важно. Всё, что было в моей жизни, было для себя, а не для чего-то, и когда меня не станет, то я не так уж буду и необходима кому-то, потому что я жила, чтобы обслуживать себя, понимаете? Ни для кого я была, пустое место я была. Жила, обуреваемая тремя старинными русскими страстями: смотреть телевизор, ходить в магазин, врать. А вам, Гаспарян, тоже так? В смысле, у армян, живущих в хрущёвках, тоже есть такие три забавы: смотреть телик, ходить в магазин, врать? Нет?

МОЛЧАНИЕ.

Какие интересные мысли полетели в воздухе. Вот она, энергия от тряпочек. Работает. У вас что-то зароилось в голове интересненькое, да? Вы опять сели боком, вы опять смотрите куда-то в сторону, не на меня, в чём дело, говорите быстро, ну? Почему вы так смотрите в сторону, будто там камера стоит? Где камера стоит?

ОН. Где камера стоит?

ОНА. Какая камера стоит?

ОН. Вы смотрите сами в сторону, глаза отводите от меня! Я вас боюсь, у вас крыша не в порядке!

ОНА. У нас с вами в нашем доме крыша в порядке. Что там роится в вашей голове, говорите, что, что, ну?!

ОН. Ничего, отстаньте!!!

ОНА. Вот как? Тогда я буду ваши мысли внутренние вслух говорить. Говорите сами или я скажу, и вам станет стыдно, ну?!

ОН. Я не скажу вам ничего. Я вам не верю.

ОНА. Почему вы не верите мне?

ОН. Потому что вы как Дед Мороз у меня в детстве в садике.

ОНА. Как это?

ОН. Так это. Хоть и с бородой дед Мороз, хоть и нос накрашенный, а всё равно ясно, что это воспитательница наделась в ватную бороду.

ОНА. Какую ватную бороду? У кого нос накрашенный?

ОН. Народные целительницы не такие. Народные целительницы другие.

ОНА. Какие другие? Именно такие! (*Поёт.*) “Мы белые снежиночки, летим-летим-летим! Летим мы как пушиночки и сядем где хотим! Вот эта тучка серая, она была наш дом ...”

ОН. Хватит, я слышал про тучку! Отпустите меня, я ничего не знаю! Не знаю, я не русский, отпустите меня отсюда, я ничего в вас русских не понимаю, я был заяц в детском саду!

ОНА. Армянский заяц. Шутка. Я могу шутить над национальностью, потому что я тоже нацменка. Мордва - на копейку два. Моя фамилия Дьяченко-Бобровицкая. Мои предки с Индокитайского полуострова выходцы. Не верите?

ОН. Кончайте дурятник, мадам! Хватит собирать всё в кучу! Нет, я не хочу, отстаньте!!!!

ОНА. Тогда я сама. *(Делает пассы перед его лицом, молчит, улыбается.)* Итак, вы хотите спросить: “А кому квартира принадлежит?” Так?

ОН. Так ... Нет, нет, нет!!!!

ОНА. Отвечаю вам: мне. И вы, сидя в этом дурятнике, вдруг подумали: о-го-о. Квартира бабушки выходит стенкой к моей. Стенка хоть и несущая, но может быть и приносящая. Так? Есть резон с бабушкой побеседовать. Так? Вы хотите сказать: “Я чувствую, что вам необходим человек, который бы ухаживал за вами и которому бы вы в благодарность оставили бы квартиру. Тогда вы жили бы не даром, а для счастья кого-то. Хотите - я, и моя жена, и мой маленький ребеночек - будем вашими друзьями? Мы можем. Мы хорошие. Вы помрёте, а нам будет легко и мило вспоминать вас на том свете, и думать, что вы ходите по облакам.” Так?

ОН. *(Встал, пятится к дверям.)* Нет. Неправда. Ничего такого я не подумал.

ОНА. Ах, Андрюша, нам ли жить в печали, не прячь гармонь, играй на все лады!

ОН. Я говорю: ничего подобного!!!!

ОНА. Так. Ну, хорошо. Я должна переодеться.

ОН. Зачем?!

ОНА. Чтобы не походить на Деда Мороза.

Он сел.

Она ушла в другую комнату, переоделась, вышла в чем-то странном, на плечи накинутом, со свечкой, руки над ним держит, он не двигается.

Значит, не так, говорите? Так, солнце моё. Андрюша. Пой, играй, чтобы ласковые очи. А теперь я вам скажу мои внутренние мысли: нет, я не сошла с ума. Жива, здорова, солнце моё. К несчастью. И на небе я не была. Вру. И всё врала и вру. Знаете, есть такие насекомые, которые летают только им известными путями. И никакие учёные не могут проследить, где они рождаются, куда летят расплодиться и как умирают. Вот такое насекомое - я. Скучно. Не была на небе. Но если бы я не придумывала что-нибудь, я сошла бы давно с ума. Потому что, если читать газеты или смотреть телевизор, или слушать на лавочке, что произошло в квартирах наших подъездов, то - можно сойти с ума, нет, не так? *(Молчит.)* Нет, была. Была! Была! Вы почему в моей квартире без штанов?

ОН. Вы же мне их сожгли, забыли?!

ОНА. Действительно, сожгла. Стоп, стоп. Стойте, я ловлю ваши мысли. Ваши мысли дальше, вслух их, вслух: “У вас хорошая квартира. Мы с Тamarой, моей женой, будем ходить к вам с завтрашнего дня и заботиться о вас. А необходимые бумаги мы сделаем сразу же, подпишем и будет порядок, так ведь? Ведь эта квартира принадлежит вам, лично, куплена, обменена или что, как?” Так?

Он хватается за голову, зажимает рот, кричит.

ОН. Нет! Нет, нет, нет, не так, не так!!!!

ОНА. Так. Так. Что ж. Сделаем именно так. И потом на небе я буду думать о том, что вы любите меня, и вспоминаете меня с вашей "Тамарой-ходим-парой" и вашим сыночком Сережечкой.

ОН. Откуда вы знаете, что он - Сережечка, откуда, откуда?!

ОНА. А его фотография у вас в бумажнике, я её вижу.

ОН. А в бумажник как вы забрались?

ОН. Как, как. Я же уже начала сеанс, стала вас просвечивать. Сидеть. Сидеть, боцман, я вам сказала, сидеть и не двигаться!

ОН. Чего?

Он пораженно таращится, следит за её рукой.

ОНА. Сюда смотрите, сюда. Положите руки. Не нервничайте, не дышите так тяжело, а то пламя свечей задуеет. И закройте глаза. Квартира будет ваша, я обещаю. Вы войдите в транс и я скажу вам причину порчи. То, что это от могильной земли, уже коню понятно, но теперь надо выяснить - кто это сделал и как сделать, чтобы стереть сглаз.

ОН. Нет, нет, нет!!!

ОНА. Закройте глаза. Закружили?

ОН. Закружил.

ОНА. Что вы видите? Что видите? Говорите?!

ОН. Ничего. Темно.

ОНА. Хорошо! Это значит, вы ещё до рождения до своего, вот что это значит! Теперь что вы видите? Что видите, говорите, ну, скорее?!

ОН. Мой гараж.

ОНА. Так, хорошо. Я же говорю, что он в центре амплитуды движения, от ядра земли близко. Ну, и что дальше?

ОН. Гараж обклеен вашими афишами.

ОНА. Не обращайтесь на них внимания. Дальше. Что видите?

ОН. Я не хочу, мне уже страшно, я открою глаза, нет, нет ...

ОНА. Что вы видите? Ну?!

ОН. *(Закрыв глаза, машет руками в воздухе.)* Это что, что? Зачем это? Что? Это я иду. Иду я. Иду в гараж. Не могу войти. Он заклеен вашими афишами. Вхожу. Вот. Вот. Я вижу. Там в гараже поле. Я вижу теперь. Я всё вижу. Закат. Закат. Закат. Я иду по полю. По полю, по полю, по полю ... Ромашки, везде ромашки, белые ромашки, на зеленой траве в черноте в темноте ромашки, белые ромашки, любит не любит, много ромашек, любит не любит, к сердцу прижмет, к черту пошлёт. К чёрту пошлёт, везде ромашки, я лягу в ромашки, я лягу в ромашки, я лягу в ромашки, и их цветки будут над моей головой, вверх, в небе, между звездами, я лягу на спину и буду смотреть на ромашки, на мои ромашки, на “любит не любит”, никто меня не любит, в небе звенит птичка, птичка звенит, ночь, уже почти ночь, закат, всё затихает, всё ползёт домой, гул смолкает, за день нагуделось всё, пчела летит домой, птичка-невеличка, я лежу и вдруг, вот вдруг я становлюсь меньше, меньше и меньше, и стану муравьем, маленьким, и побегу с бревном на плече домой, к себе домой, вот мой дом, огромный из бревен многоэтажный муравейник, Господи, а где мой подъезд, где моя квартира, я не знаю, где положить бревно, куда его, где моя кухня, моя квартира, где мои дети, яички, пока не дети, яички ... Нет, нет, я не буду, мне страшно, я не могу, я не буду!!!!

По окнам и стенам хлестануло солнцем.

Она крепко схватила его за руку, держит, глаза не открывает.

ОНА. Я буду, дайте, я! Вот моя квартира, вот мой подъезд, вот моя деревня, вот мой дом родной, вот качусь я в санках по горе крутой, я кладу бревно у входа, чтоб никто не залез, не забрался, вползаю к себе, мои белые яички, мои детки лежат, скоро вылупятся, скоро мы будем их качать на ручках. Вдруг я расту, расту, крыша взрывается над головой, я стал выше, больше поляны, вот я задеваю облака, я большой, вон мой домик хрущёвочка, махонькая, я нагнулся, смотрю на нее - ах ты, многоквартирная могилка моя, как же я теперь влезу-то сюда, я такой большой, разве влезет в эту кухню мое сердце, моя душа, мои ножки, мои ручки, я не буду тут жить, я буду ходить по облакам, по облакам ...

Открыла глаза, плачет, молчит, смотрит в стенку.

МОЛЧАНИЕ.

Он открыл глаза, таращится на пламя свечи.

(Тихо.) Что видите, расскажите?

ОН. Ничего. Темно. Вижу вашу квартиру. С новой обстановкой. Стены снесены. Ходит кто-то. Кто это, что-то знакомое ... Я знаю его, это Сережа, Серенький мой, вырос, сын! Мой сын! Он вырос ... Мой мальчик ... Он пошёл в ванную, ванна выложена плиткой, новой плиткой, плитка из гаража, в ванной что-то там происходит, в квартире никого нет, он один ... Кровь, он умирает, он умирает!!! Он что-то сделал с собой, он умер, умер. Умер ...

МОЛЧАНИЕ.

(Вытер слёзы, смотрит на Неё.) Это был сон, да? Ничего такого не было? Мы будем жить и ничего такого не случится? Ну, скажите, скажите мне скорее, что ничего не будет такого? Что всё будет хорошее, скажите?! Вы же народный целитель, вы же экстрасенс, вы же знаете, скажите?! *(Плачет.)*

ОНА. *(Молчит, смотрит в стену.)* Да, не случится.

ОН. Ну вот, я знал, я знал, знал! Значит, это неправда всё? Вы всё придумали? Гипноз? Ведь это был гипноз, скажите, гипноз?! Фокус-мокус, так, нет?!

ОНА. Придумала. Гипноз. Я ничего не умею. И никого не вылечу. Я же сказала. Простите. Придумала. Иначе трудно. Можно с ума сойти. С ума сойти можно, понимаете? Простите. Стучит кто-то?

ОН. Кто стучит?

ОНА. В дверь? На венок ...

ОН. Нет. Нет!!!! Нет!!! Не стучат, нет, не стучат!!!

ОНА. Не стучат, нет. Простите.

МОЛЧАНИЕ.

ОН. Всё, всё. Я пойду, я уйду, я пошёл. Хватит. Ничего не будет. На мне нету сглазу. Всё будет хорошо, ведь так? ну, скажите, так?

ОНА. Так. Так. Идите.

ОН. Голова сломалась. Куда-то мне надо было. Куда вот - забыл. Что-то тут непорядок. Ну, да ладно. Потихоньку как-нибудь. Нет, мне надо было в гараж, да, я там забыл что-то. Плитку для ванной. Да. И ещё - гвозди. Мне надо полочки прибить. Мы постучим, не обидитесь? В ванной плитку покласть новую надо. Ребёнка мне надо забрать из детсада. Вот зачем в гараж! Да, да. Сесть на машину и съездить в детсад. Ребенок там. На продлёнке там. Он будет жить. Я его выращу. Всё будет хорошо. Всё должно быть хорошо. Мы будем копить на стенку. Купим хрусталь для новой квартиры. У нас будет уютно и приятно. Будто по облакам будем ходить. По облакам. Мы белые снежиночки, летим, летим, летим ...

ОНА. По облакам, по облакам ...

ОН. По облакам, да. По облакам ...

Он молчит. Встал, надел брюки, натянул фуражку на голову, пошёл к двери. Вышел.

Она вышла на лестничную площадку, села на пол у раскрытой двери.

Плачет.

В квартире сама включилась радиолка.

Поёт Шульженко ...

ШУЛЬЖЕНКО:

Ах, Андрюша, нам ли жить в печали,
не прячь гармонь, играй на все лады!
Спой мне так, чтобы горы заплясали,
чтоб зашумели зеленые сады!

ОНА. (*Шепчет.*) Пой, Андрюша, так, чтоб среди ночи промчался ветер, кудри шевеля, пой,
играй, чтобы ласковые очи, не спросясь, глядели на тебя ... По облакам ... По облакам ...
Мы белые снежиночки ... Летим мы как хотим ...

Молчит. Плачет.

Темнота

Занавес

Конец

сентябрь 1996 года, Екатеринбург